

Г. Б. Все певцы похожи друг на друга: каждый живет с какой-либо идеей, запрятанной в рефрены, даже те, кто громко заявляет, что им нечего сказать.

Ж. С. Но ведь у вас есть что сказать?

Г. Б. Каждому человеку есть что сказать...

Все ремесло — песни, и нужно достойно делать свое дело.

С 1947 по 1967 год я переживал период стоашных сомнений. Мне казалось, что человек обезумел, что мы в конце концов добьемся своего — взорвем планету. Я продолжал писать песни, такие, как «Большой переворот», пытаюсь вложить в них немного юмора; потому что ничто и никогда не должно заглушать смех. А теперь похоже, что времена меняются...

Ж. С. Расскажите о себе, если вам это не скучно.

Известному французскому певцу и композитору Ги Беару, чье искусство знакомо советским слушателям, 48 лет. Впервые он вышел на сцену крупнейшего парижского зала «Олимпия» двадцать лет назад. В интервью корреспонденту французского журнала «Пуэн» Жоржи Сюфферу Ги Беар говорит о том, как трудно подлинно талантливым композитору и исполнителю непосредственно общаться со своим слушателем, сколь иллюзорна та «свобода творчества», которую рекламируют западные пропагандисты. Законодателям вкусов потребителя, полновластных хозяев радио- и телекомпаний Ги Беар называет «сеньорами кранов», подчеркивая, чуть ли не средневековый характер зависимости работника от работодателя.

Мы публикуем с сокращениями это интервью.

Г. Б. Ничуть. Но я еще не достиг того возраста, когда пора рассказывать о своей жизни. Будем кратки. У меня был замечательный отец, который учил меня играть на мандолине, приобщил к поэзии, алгебре.

А мать была героиней повседневной жизни. Это, знаете ли, немало. Я вспоминаю, как она, заболев раком, который неизбежно должен был привести ее к смерти, продол-

жала готовить, водить нас в школу, ухаживать за отцом. И однажды вечером она узнала, что спасена. Врач, осматривавший ее, сказал: «Вы сами себя спасли. Вы продолжали жить, как будто ничего не случилось». Я очень верю в таких женщин.

Ж. С. Чем вы увлекались в детстве?

Г. Б. Скрипкой. Я начал учиться играть в 4 года. В течение одиннадцати лет са-

мозабвенно играл. Затем положил инструмент на полку и никогда больше не прикасался к нему. Возможно, он до сих пор там лежит. Разумеется, я хотел писать — пьесы или стихи. Но отец пожелал, чтобы я стал инженером — усовершенствовал, как говорили в то время, «мой интеллектуальный багаж». Это старое, но, пожалуй, не такое уж глупое выражение. Короче, я подчинился. Стал инженером. Я строил мосты и очень любил свое дело. Затем умер отец, потом мать. Женщина, которую я любил, покинула меня. И тогда я ушел с прежней должности и начал писать песни...

Хорошая песня, на мой взгляд, — это плохие стихи, положенные на несовершенную музыку. Как бы союз слепца с паралитиком. Но иногда, чудом, он удаётся... Я не хочу скрывать того, что думаю. И считаю, что думать необходимо. Как-то Женева Дорманн* сказала, что хватит с чьей-либо идеей, что песни пишутся для того, чтобы вызывать смех или слезы. Но, по-моему, нужно заставлять работать это чудо, которое называется человеческим мозгом...

Ж. С. Почему вы верите в будущее?

Г. Б. Прежде всего поставим все на свои места. Я не млею от восторга. Напротив, я думаю, что эпоха, в которую мы вступили, с определенной точки зрения ужасающа. Разумеется, в истории и раньше бывали трудные времена. Но никогда не было такой напряженности. Почему? Погрем причинам: во-первых, потому, что человек теперь протирает свою власть так далеко, что может уничтожить себя как вид. Это чудовищный этап в эволюции. Во-вторых, потому, что он может творить, то есть преобразовывать окружающую среду, победить болезнь, а завтра преобразовать через биологию и генетику саму жизнь. Наконец — и это обстоятельство очень часто забывают — человек нашей эпохи или 2000 года, несомненно, будет иметь возможность покинуть Землю.

Космос рядом, перед нами. Он огромен и как будто недоступен. Но океан воспринимался точно так же современниками Христофора Колумба. Завоевание ближайшего космоса уже началось. Американцы и русские ведут игру на больших скоростях. Им принадлежат спутники, позволяющие контролировать систему связи, то есть передачу информации. И вы увидите, что космические платформы, где будут жить люди, появятся очень скоро. И как же перед лицом этих трех возможных ситуаций — самоубийством человека как вида, модификацией живого организма, освоением космоса — человеческой голове не закружиться?

Ж. С. Простой вопрос: любите вы или ненавидите машины?

Г. Б. Разумеется, я люблю машины. То, что человек творит и строит, принадлежит природе. Машины — замечательные звери, освобождающие нас от самых тяжелых работ. Они не освобождают нас от

работы вообще, но снимают с нас груз нашего труда. Именно благодаря машинам мы сможем больше сделать в единственно стоящей сфере — сфере красоты.

Нужно уметь ухаживать за деревьями, любить кошек и самим чинить краны — нельзя отдавать жизнь на откуп тем, кого я называю «сеньорами кранов». Побывайте в тех местах, которые мне хорошо известны: на телевидении, в мире пластинок. Повсюду правят «сеньоры кранов»...

Кстати, знаете ли вы, сколько нужно времени, чтобы написать песню?

Ж. С. Три—шесть месяцев.

Г. Б. Прекрасно. Видите эти досье? Да, эту груду, вон там. Каждое досье — это песня. Иногда требуется пятнадцать лет работы над разными вариантами одной песни. Их должно быть 30 или 40.

Ж. С. Почему такой долгий срок?

Г. Б. Некоторые песни я писал очень быстро. Но те, которые мне дороги, требуют значительно больше работы... К тому же меня очень интересуют табулеты.

Ж. С. При чем здесь табулеты?

Г. Б. Потому что у них три ножки. А я очень люблю тройные мысли. Пример: я считаю, что нужно — сохранять старое, не допускать, чтобы старое подавляло новое, и не позволять новому поглощать старое. Электричество, например, не отменило свечей, которые нужны, когда повреждена электросеть, и очень красиво смотрятся в праздничные вечера; точно так же консервы не отменили кулинарное искусство, автомобили — велосипед, пешие прогулки или лошадь. Вещи дополняют, а не отменяют друг друга...

Смешно говорить, например, что телевидение убивает книгу или слово. До того, как я стал выступать на маленьком экране, я пел в небольшом ресторанчике «Голубка». Я любил «Голубку» так же, как маленький экран. Я хочу сохранить за собой право мечтать...

Я считаю жизненно необходимым существование акологов, людей, борющихся за цветы, красоту пейзажей, жизнь людей и животных.

Ж. С. Мне кажется вы собираетесь писать книгу?

Г. Б. Почему бы и нет? У шутков также есть право на свои маленькие идеи...

Несколько месяцев назад я уехал довольно далеко, не зная, что писать. И заключил с собою пари: смогу ли наконец сочинить песню о любви. Вы подумаете, что это банально. Вотся чет Настоящую песню о любви, вероятно, написать труднее всего.

Ж. С. Вы ее написали?

Г. Б. Да. Недавно я исполнил один-два куплета по телевидению. Хотите послушать ее целиком? Передайте мне гитару.

Ж. С. Это грустная или веселая песня?

Г. Б. Я надеюсь, что мир будет существовать, что люди завоюют звезды и станут подобны богам. И вся же моя песня грустна. Звезда так же как и сегодня. Будут счастливые влюбленные, но будут, увы, и те, кто несчастлив в любви.

Перевела с французского В ЖУКОВА

* Женева Дорманн — известная французская журналистка.

ЛИТЕРАТУРА
Г. МОСКВА
14 ОКТ 1978

140